

мя, а это позволяло довольно близко познакомиться с ведущими букинистами Москвы и Ленинграда. По крайней мере, так случилось со мной. Когда же я перешёл к собиранию книг значительно более широкого спектра, в том числе антикварных, то приобретённые знакомства очень пригодились, так как букинисты—профессионалы, ставшие уже друзьями, многому меня научили впоследствии. Без их помощи мне бы никогда не иметь такого моего собрания.

Мой первый Ленинград

Как только я начал читать русскую классическую литературу, начиная с пушкинского «Онегина», город Санкт-Петербург стал для меня, ещё двенадцатилетнего мальчика, жившего на Украине, затаённой любовью. История этого города, легко прочитываемая, имевшая в то время более двух веков от роду, его архитектура, многократно описываемая писателями и иллюстрированная почти каждым видным русским художником, наконец связь (наверное, мистическая) города с жизнью и судьбой любимого Пушкина,— очевидно, всё это предопределило моё трепетное отношение к нему. Сейчас, в 2004 году, когда я пишу эти строки, которым удивляюсь и сам. Почему, мне, мальчику, жившему в тридцатые годы XX века, ощутившему на себе всю мощь пропагандистского аппарата страны (школа, радио, кинофильмы, песни), прославлявшего Москву, как столицу родины (в ней жил и творил Сталин!), не бывшему ещё ни в Ле-

нинграде, ни в Москве, нравился образ прежней столицы больше? Размышляя об этом, предполагаю, что может связь Москвы и Пушкина в моём тогдашнем представлении была менее колоритной. Хотя факты говорят, что это далеко не так. Пушкин в Москве родился и женился, и после ссылки вернулся по вызову царя, и строки «Онегина» о Москве не менее великолепны, чем о Петербурге, но всё же, что-то мою симпатию подвигло в сторону северной столицы. Какое-то подтверждение возможной обоснованности этому сейчас, как уже состоявшийся собиратель Пушкинианы, могу найти и в таком факте: все издания книг под названием «Пушкинский Петербург» намного превышают по объёму информации и иллюстраций все книги под названием «Пушкинская Москва». Характерно, что все названные книги вышли из печати после революции. И хотя я в Москву попал на 5 лет раньше, чем в Ленинград, всё равно какой-то романтический налёт в своих ощущениях, который у меня проявился в детстве, сохранился и до настоящего времени.

Я не бывал в Ленинграде после возвращения этому уникальному городу наименования Санкт-Петербург. Поэтому как-то естественно получается, что я думаю о нём и книжных приключениях, которые мне достались в нём, как о Ленинграде. Наверное, никто и никогда не переименует Ленинградскую блокаду 1941–44 гг. в Санкт-Петербургскую. При всём уважении к основателю города Петру Первому Великому, давшему городу первоначальное, а значит, и основополагающее название, такое произойти не может.

Мы уже говорили о том, что в Петербурге до революции издавалось и, очевидно, оседало наибольшее число печатных изданий, в том числе книг. Учитывая столичный статус города, наличие в нём правительственных учреждений, дипломатического корпуса, значительного числа высших учебных заведений, театров, музеев, библиотек, т. е. всего того, что определяло наличие большой численности интеллигенции и образованных людей, можно смело утверждать, что многие читатели российских изданий жили в столице. В Москве, второй российской столице того времени, подписчиков и покупателей дореволюционных изданий было значительно меньше. Как иначе объяснить, что за годы советской власти, жестокой блокады и других социальных потрясений, в послевоенные годы (я имею в виду после 1945 года), книг в Ленинграде было в букинистической продаже значительно больше, чем в Москве.

Это обстоятельство неумолимо предопределяло и более низкий уровень цен старых книг в Ленинграде. Мне удалось в этом впервые убедиться в 1949 году, когда я первый раз вышел из дверей Московского вокзала и увидел перспективу Невского проспекта. Не могу удержаться от некоторого отступления от книголюбских воспоминаний, хотя, может быть, это и не отступление от книжной тематики. Как и любой человек, попадающий первый раз в новый для себя город, я должен был бы чувствовать себя неуверенно, но мне повезло, и в двух городах со мною этого не происходило. Мне казалось, что я уже здесь бывал. Ленинград был первым. Могучим языком русской ху-

дожественной литературы Пушкин, Гоголь, Достоевский и другие познакомили меня основательно с Петербургом. Зимний дворец, Адмиралтейство, Летний сад, Михайловский замок, Фонтанка, Васильевский остров, Петербургская сторона, Литейный и, конечно, Невский проспект и многое другое были для меня отнюдь не отвлечёнными понятиями. Я довольно легко ориентировался в первые же дни пребывания в нём. Более того, я волновался, подходя к Исаакию, памятнику Петра Фальконе, Александрийскому столпу на Дворцовой площади, на которую я вышел, конечно, через Арку Главного штаба. Надеюсь, что последние строки показали читателю мою любовь к Питеру. Думаю, это название города воспринимают все, независимо от своих взглядов.

Вторым городом, в котором я себя сразу почувствовал не чужаком, был Париж, куда я попал впервые значительно позже, в 1991 году, через 42 года после Ленинграда. В Париже я также достаточно уверенно ориентировался. Здесь сказалась роль могучей французской литературы — Бальзак, Дюма, Золя, Мопассан, Флобер, Доде и другие. Впечатлений от чтения произведений этих писателей было настолько много, что спустя десятилетия после него я представлял себе расположение улиц и площадей Парижа, события, которые на них происходили и многое другое.

Поистине, прав был И. Бабель, вложивший в уста француза, одного из персонажей рассказа «Улице Данте», фразу: «За тысячу лет нашей истории мы сделали женщину, обед и книгу... В этом никто нам не откажет».

Можно спорить, какая литература девятнадцатого века была большей — русская или французская. В моём случае создания яркого образа столицы своей страны они оказались одинаково впечатляющими.

В 1948 году отменили пропускную систему приезда иногородних в Ленинград, только ещё приходивший в себя после блокады, и весной 1949 года, в период написания дипломного проекта в институте, мне, наконец, удалось попасть в Ленинград. Я поехал туда вместе со своим приятелем, таким же, как я, собирателем книг с двухлетним стажем. Перед поездкой мы мобилизовали все наши финансовые ресурсы, не оставили в покое ни одного из своих друзей, могущих каким-то образом кредитовать нас. Имея в карманах сумму средств, которая казалась нам внушительной, мы сели в поезд, не в «Красную стрелу», конечно, и утром высадились на площади Московского вокзала. У моего приятеля был свой адрес, где он мог переночевать, у меня свой — мой московский приятель незадолго до этого женился на дочери известной писательницы Веры Пановой, и я рассчитывал на его гостеприимство.

Однако, эти планы были сломаны суровой действительностью. Наскоро позавтракав в одном из кафе в начале Невского проспекта, мы отправились по нему в направлении Адмиралтейства. При этом, естественно, мы заходили в каждый книжный магазин, попадавшийся нам по пути как по одной, так и по другой стороне улицы. Магазинов этих было много, в то время каждый книжный магазин торговал и букинистической книгой. Мы знали, что центр букинис-

тической торговли в городе находился на Литейном проспекте, начиная от его пересечения с Невским. Туда мы и стремились как можно скорее попасть. Но, заходя по дороге в книжные магазины, мы столкнулись с непредвиденным. Представьте себе картину: находясь в Москве, вы подбираете собрания сочинений, например, К. М. Станюковича в издании А. Ф. Маркса, при этом вы знаете, что полное собрание стоит 400 руб., и вы собрали уже 28 выпусков из 40, потратив около 150 руб., а тут на Невском в рядовом (не букинистическом) книжном магазине вам предлагают все 40 выпусков в отличном виде за 120 руб. Интересно, сумели бы вы устоять и отказаться от такой покупки. При этом милые продавцы не принуждали вас взять купленные книги немедленно с собой. Они записывали вашу фамилию и оставляли покупку у себя до удобного для вас времени.

Не будет никаким преувеличением сказать, что, приблизившись, наконец, наверное, к 12 часам дня к Литейному проспекту, мы обнаружили, что у нас не осталось денег не только на дальнейшую покупку книг, но и на железнодорожные билеты на обратный путь. Одолжив у своих знакомых некоторую сумму, мы купили билеты на поезд, отходивший в Москву в начале вечера. Потом мы проделали путь уже от Литейного проспекта до вокзала, заходя во все магазины, где мы оставили свои покупки. Экономический или финансовый эффект от каждой из них был средни первой — собранию К. М. Станюковича.

Достаточно удовлетворённые сделанным как в виде пополнения собственных собраний, так и в ма-

териальном смысле, выразившись в том, что это пополнение досталось нам практически бесплатно, мы приняли решение немедленно повторить поездку. Тем более что города мы практически не видели. Петербуржцам разяснять не надо, а москвичу могу для наглядности сказать, что мы прошли по главной улице города такое же примерно расстояние, как от Охотного ряда до площади Маяковского. И это всё знакомство с городом, красота которого известна во всём мире.

Вторая поездка в Ленинград состоялась только через месяц, в мае. К ней мы подготовились уже более основательно. Собрали значительную сумму средств, узнали, что не только Литейный проспект, но и Средний проспект Васильевского острова, а также Большой проспект Петербургской стороны богаты букинистическими магазинами. Поделившись по возвращению из первой поездки своими впечатлениями, бывалые книжники, посещавшие Ленинград не один раз, посмеялись над нашими успехами, признав их скорее коммивояжерскими, чем книголюбительскими. Во второй раз мы с этим же приятелем были несколько дней, побывали во всех трёх центрах букинистической торговли и, что самое главное, в центральной части города, прошли пешком и не раз Невский проспект, Дворцовую и Сенатскую площади, наконец, увидели те места, которые так блистательно украшают этот дивный город. Мы уже не отвлекались на заманчивые дешёвые покупки, а искали книги тех авторов и изданий, которые мы подбирали. Так, у меня и сегодня стоит на полке собрание сочинений

Ст. Цвейга в 12ти томах, выпущенное издательством «Время» в конце 20х и начале 30х годов, очень дефицитное в то время в Москве, большинство томов которого мне удалось купить во время той поездки. Несмотря на то, что за прошедшие более пятидесяти лет у нас было издано несколько собраний Ст. Цвейга, значительно более полных, чем купленное тогда, я с ним не расстаюсь, сохраняя память о том времени. Кроме того, оно было прижизненным, изданным ещё до эмиграции Ст. Цвейга из Австрии.

Посещая магазин за магазином, мы обнаружили исключительно приятный факт. Книги, отдельные особо дефицитные тома и романы из собраний сочинений почти всех авторов, издававшихся в дореволюционное время, которые в Москве возможно было купить только из-под прилавка за солидную переплату или у перекупщиков, так называемых «холодных книжников», в Ленинграде спокойно можно было купить с прилавка магазинов, и цены, как уже говорилось, были значительно ниже московских. Раз уже мне довелось обмолвиться определением «особо дефицитные» тома или романы, хочу рассказать о том, что же это означает.

Почти каждое собрание сочинений писателей состоит из томов, наполненных разного широкого читательского спроса произведениями. Томами, как говорится зачитанными, пользующимися наибольшей популярностью у широкого круга читателей, и томами, в которых помещены художественные произведения, менее полюбившиеся читателю, а также публицистика, дневники и письма писателя. На то

оно и собрание сочинений, а иногда и претендующее на название «полного», чтобы читатели могли увидеть весь характер творчества писателя и деятеля культуры, одним словом, лицо писателя. Выпущенные, как правило, одинаковым тиражом, отдельные тома в процессе своей жизни истрачиваются крайне дифференцировано. Это зависит от множества случайных факторов, но главным образом, от их зачитанности.

Примерами могут служить в собрании сочинений И. С. Тургенева в издании А. Ф. Маркса третий том, где опубликовано «Дворянское гнездо» и восьмой том с «Вешними водами», «Первой любовью», «Третья встречами» и «Три портретами». В годы моего раннего собирательства, если вы имели эти два тома, то остальные десять томов можно было подобрать за две-три недели. Если же вы имели 10 томов без третьего и восьмого, вы могли их искать месяцами. Для собрания Ф. М. Достоевского в этом же издании ключевым был шестой том, в котором был помещён роман «Идиот».

Редкими были также тома, в которых были помещены первые части больших романов. Например, у собрания сочинений В. Гюго в издании И. Д. Сытина, это был второй том с началом романа «Отверженные»; для собрания сочинений Мельникова-Печёрского в издании А. Ф. Маркса это было начало эпопеи «В лесах», помещённое во втором томе. В собрании сочинений Н. Лескова в этом же издании дефицитными оказались выпуски, где был помещён роман «На ножах». В собрание сочинений А. Ко-

нан-Дойля, изданное П. П. Сойкиным, входило 22 книги, из них две — «Тайна Клубера» и «Чудесное открытие» — встречались очень редко, они вышли, видимо, меньшим тиражом спустя два года после выпуска двадцати книг (титulyных листов) в 1909 году. Из двадцати книг только пять посвящались Шерлоку Холмсу, а остальные содержали исторические романы и повести: «Михей Кларк» — роман о религиозных войнах в Англии; «Белый отряд» и «Найгель» — романы из эпохи средних веков и ряд других произведений. 5 книг о приключениях Шерлока Холмса, несмотря на то, что были многократно переизданы другими издательствами, были зачитанными и в сойкинском, и поэтому попадались в отдельных книгах гораздо реже, чем другие книги. А если у вас не было двух томов «Графа Монте-Кристо» и тома, где опубликован роман «Двадцать лет спустя», то подбирать собрание сочинений А. Дюма в сойкинском издании можно было не начинать. Полный список редких томов и книг, входящих в то или иное собрание сочинений, представлять в наших заметках мы не имели в виду.

Обобщая эту мысль, можно заметить, что в каждом собрании есть такие особенности, и в те далёкие сейчас пятидесятые годы, в которых мы сейчас находимся по ходу повествования, знание этих особенностей среди книжников-собирателей весьма ценилось. Так вот в ленинградских букинистических магазинах в конце сороковых и начале пятидесятых годов такие редкие тома попадались просто на прилавках, что в Москве практически было невозможно.

В результате второй поездки моя библиотека пополнилась сойкинским собранием сочинений Конан-Дойля и рядом других весьма раритетных изданий.

Здесь мне хочется обратить внимание будущего читателя, что эта часть ленинградских воспоминаний не связана, к величайшему моему сожалению, к аспекту собирания антикварных книг. В этот период их в магазинах было так много, и они были настолько дешёвы, что никоим образом не могли привлечь внимание таких неучей, каким был я.

О, если бы я тогда знал хотя бы столько, сколько сегодня, после сорока лет собирательства антикварных книг, какая бы у меня была коллекция!!! Но об этом речь впереди. Заканчивая описания первых впечатлений о Ленинграде и ленинградских книжных находках, если можно так выразиться, доантикварного периода, хочу заметить, что те первые визиты в город на Неве оставили у меня навсегда глубокие и трогательные воспоминания.

Потом, многократно посещая Ленинград, у меня начинало трепетно биться сердце уже на перроне Ленинградского вокзала в Москве или в аэропорту Шереметьево, ожидая очередную встречу с любимым мне городом. И надо сказать, что встречи с городом и его жителями всегда оправдывали мои ожидания. Тем самым, мои детские представления и симпатии к этому городу, которыми я начал этот рассказ, получили жизненное моё подтверждение.

Да здравствует антикварная книга!

За первые двенадцать лет своей книгособирательской жизни мне удалось собрать около сотни собранных сочинений (в том числе и полных) различных русских и иностранных писателей. Разумеется, я называю собранными только изданные в прошлые годы, а не те, которые выходили в пятидесятые и последующие годы XX века, именуемые у книголюбов и читателей подписными. Собрания были в лучших, наиболее полных изданиях в хороших переплётках (полукожаных или издательских) и в прекрасной сохранности. Это была очень красивая стена книг, блиставших своими известными фамилиями авторов, представлявших многие страны мира. Но мне это уже стало не интересно. В 1959 году я прочёл книгу Н. П. Смирнова-Сокольского «Рассказы о книгах», и в моей книголюбской душе произошёл переворот.

Николай Павлович Смирнов-Сокольский, народный артист РСФСР, как его называли, «патриарх» советской эстрады, был по своей удачливости книголюб-собиратель № 1 в нашей стране. У него, безусловно, была лучшая частная коллекция русских книг XVIII—XIX и первой половины XX веков. В 1959 году он состоялся, так же, как талантливый автор, описывающий судьбы книг, собранных в коллекции.

На меня эта книга произвела большое впечатление. Мне, как бы, открылся новый мир, в котором очень захотелось пожить. И я стал предпринимать первые шаги. Прежде всего, я поспешил убедиться в том, что книга Н. П. Смирнова-Сокольского не на